

Военная элита России 1700–1725 гг.: меритократические и аристократические тенденции в кадровой политике Петра I

Создание регулярной армии в период Северной войны привело к значительным переменам в составе высшего военного командования России. Одним из направлений кадровой политики Петра стала профессионализация управления вооруженными силами. Меритократическая тенденция проявилась в массовом привлечении на российскую службу иностранных военных и возвышении талантливых представителей незнатного столичного дворянства. Принятие в 1722 г. Табели о рангах завершило формирование новой чиновной иерархии и закрепило приоритет личной службы над происхождением.

Петровские преобразования стали одной из важнейших вех процесса модернизации и перехода страны от традиционной организации управления к рациональной¹. Вместе с тем, на наш взгляд, наиболее плодотворна позиция тех исследователей, которые не расценивают царствование Петра как непреодолимый или поворотный рубеж в истории России, а воспринимают XVII–XVIII столетия как единый период с общими тенденциями в развитии². Среди подобных работ в историографии российской правящей элиты следует выделить труды Р. Крамми, Б. Михан-Уотерс, Дж. Ледонна и П. Бушковича, которым удалось наглядно продемонстрировать принципиальную преемственность в эволюции правящего слоя 1690–1730 гг. и решающую

¹ См.: Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России: сравнительно-историческое исследование. М., 1994. С. 5, 234; Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века. М., 1999. С. 87, 89–90, 155–157; Анисимов Е. В. Верхи русского общества начала петровской эпохи // Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в.: очерки истории. СПб., 2006. С. 492, 494–495.

² См.: Коллман Н. III. Соединенные честью: государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001. С. 396; Martin R. The Petrine Divide and the Periodization of Early Modern Russian History // *Slavic Review*. 2010. Vol. 69. № 2. P. 410–425; Ostrowski D. The End of Muscovy: The Case for circa 1800 // *ibid.* P. 426–438.

роль аристократии в управлении страной этого периода¹. Но несмотря на значительные успехи в изучении петровской элиты, обобщающие данные о ее составе и социальной структуре до сих пор отсутствуют. В частности, отрывочны данные о высшем военном командовании. Чтобы восполнить этот пробел и проанализировать основные тенденции кадровой политики Петра, нами был реконструирован списочный состав тех лиц, которые в первой четверти XVIII в. носили воинские чины и в 1722 г. были включены в 1–5 классы Табели о рангах².

¹ Le Donne J. Ruling Families in the Russian Political Order, 1689–1825 // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1987. Vol. 28. № 3–4. P. 233–322; idem. The Evolution of the Governor's Office, 1727–1764 // *Canadian-American Slavic Studies*. 1978. Vol. 12. № 1. P. 86–115; idem. Appointments to the Russian Senate, 1762–1796 // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1975. Vol. 16. № 1. P. 27–56; Crummey R. Peter and the Boyar Aristocracy, 1689–1700 // *Canadian-American Slavic Studies*. 1974. Vol. 8. № 2. P. 274–287; Meehan-Waters B. Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick–New Jersey, 1982; idem. Social and career characteristics of the administrative elite, 1689–1761 // *Russian officialdom: the bureaucratization of Russian society from the seventeenth to the twentieth century*. Chapel Hill, 1980. P. 76–105; idem. The Russian Aristocracy and the Reforms of Peter the Great // *Canadian-American Slavic Studies*. 1974. Vol. 8. № 2. P. 288–302; Бушкович П. Петр Великий: борьба за власть, 1671–1725. СПб., 2008. см. также: Черников С. В. Российская элита эпохи реформ Петра Великого: состав и социальная структура // *Государство и общество в России XV — начала XX века*. СПб., 2007. С. 366–386; он же. Состав и особенности социального статуса светской правящей элиты России первой четверти XVIII века: традиции и новации // *Cahiers du Monde russe*. 2010. Vol. 51. № 2–3. P. 259–280.

² Общие результаты см.: Черников С. В. Эволюция высшего командования российской армии и флота первой четверти XVIII века: к вопросу о роли европейского влияния при проведении петровских военных реформ // *Cahiers du Monde russe*. 2009. Vol. 50. № 4. P. 699–735. Основными источниками являлись: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1–13. СПб., М.–Л., 1887–2003; История Свейской войны: поденная записка Петра Великого. Вып. 1–2. М., 2004; Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. I–VI. СПб., 1880–1901; Походные журналы Петра I за 1695–1710, 1720–1725 годы. СПб., 1853–1855; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 4–7; Бантыш-Каменский Д. Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. 1–5. М., 1836; Бантыш-Каменский Д. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 1–2. СПб., 1840; Азанчевский М. П. История Преображенского полка. М., 1859; Елагин С. История русского флота: период азовский. СПб., 1864. Приложения. Ч. 1–2. СПб., 1864; Материалы для истории

русского флота. Ч. 1–4. СПб., 1865–1867; Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Т. 1. СПб., 1871; Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 1–2. М., 1872; Переписка и бумаги гр. Б. П. Шереметева, 1704–1722. СПб., 1879; Общий морской список / сост. Ф. Ф. Веселаго. Ч. 1. СПб., 1885; Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного совета, 1726–1730 гг. Т. 1–8 // Сборник Русского исторического общества (далее Сб. РИО). Т. 55, 56, 63, 69, 79, 84, 94, 101. СПб., 1886–1898; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740 гг. Т. 1–12 // Сб. РИО. Т. 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146. Юрьев, 1898–1915; Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. Вып. 1. СПб., 1891; Карцов П. История лейб-гвардии Семеновского полка, 1683–1854. Ч. 1. СПб., 1892; Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 / сост. А. З. Мышлаевский. М., 1893; Русский биографический словарь. В 25 т. М., 1896–1918; Бобровский П. О. История лейб-гвардии Преображенского полка. Т. 1–2. СПб., 1900; Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. Т. 1. М.–Л., 1945; Рабинович М. Д. Полки петровской армии, 1698–1725. М., 1977; Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени. М., 2003. С. 415–467; Серов Д. О. Администрация Петра I. М., 2007; Областные правители России, 1719–1739 гг. / сост. М. В. Бабич, И. В. Бабич. М., 2008; Бушкович П. Петр Великий... и др. Привлечены архивные данные по петровскому и более позднему периодам: Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 248. Д. 21, 33, 46, 380, 387, 391, 428, 608, 689, 1088, 1155; Ф. 286. Оп. 1. Д. 45, 49, 82, 125, 143, 331 и др.

Среди справочников и работ, позволяющих уточнить происхождение представителей русской части командования, необходимо выделить следующие: Долгоруков П. В. Российский родословный сборник. Кн. 1–4. СПб., 1840–1841; Иванов П. И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства Юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М., 1853; Долгоруков П. В. Российская родословная книга. Ч. 1–4. СПб., 1854–1857; Семейский М. И. Русская родословная книга. СПб., 1873; Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1–2. СПб., 1886–1887; Голицын Н. Н. Материалы для полной родословной князей Голицыных. Киев, 1880; Голицын Н. Н. Род князей Голицыных. Т. 1. СПб., 1892; Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. Т. 1–2. СПб., 1895; Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902; Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. I. Ч. 1–3. СПб., 1906–1907; Meehan-Waters B. Autocracy and Aristocracy...; Crummey R. Aristocrats and Servitors: the Boyar Elite in Russia, 1613–1689. Princeton, 1983; Poe M. The Russian Elite in the Seventeenth Century. Vol. 1–2. Vammala, 2004; Правящая элита Русского государства...; Седов П. В. Закат Московского царства: царский двор конца XVII века. СПб., 2008; Захаров А. В. Государев двор Петра I: публикация и исследование массовых источников разрядного делопроизводства. Челябинск, 2009 и др.

В общей сложности было выявлено 203 человека: 128 иноземцев¹ и 75 русских² (см. табл. 1³).

¹ Бар. Л.-Н. фон Алларт, Г.-Э. Альфендель, Ф. Н. Балк, И. Бекман, гр. А. Беллеарди, Ф. И. Беллинг, Бём, фон Берден, В. фон Берхгольц, Бирон, бар. И.-Э. Блумберг, Бой (Боэ), Г.-И. Бон, бар. Э.-Ф. фон Боргсдорф, Р. Х. Боур, гр. И. Ф. Боцис, П. П. Бредаль, Р. Броун, Р. В. и гр. Я. В. Брюсы, Бук, бар. И. Ю. Бутлер, И. А. и Ю. И. Буши, А. А. Вейде, И.-Б. фон Вейсбах, Венедигер, Н. Г. фон Верден, А. Ветерани, Видеман, Д. Вильстер, М. М. Витвер, Э. Воган, Г.-Г. Востромирский, Х. Гагедорн, Гейм (Гегейм), А.-Ф. Гейн, В. И. де Геннин, И.-Х. Гейнске, ландграф Ф. Гессен-Дармштадтский, Гечен, А. А. Гешев, И. Я. Гинтер, бар. Г. и бар. Ф.-Р. Гольцы, А. А. и Т. Гордоны, М. П. Госслер, И. Гошке, К. де Граге, А. А. Гулиц, Гундорф, бар. П. Дальбон, Дебосо, А. М. Девиер, А. М. Дедют, И. А. Дежимон, В. В. фон Дельден, Л. М. Демьянов (Дамиани), лорд К.-С. Дуффус, И. Я. Дюпре, М. Х. Змаевич, К.-Г. Иваницкий, царевич А. А. Имеретинский, Н. Ю. Ифлант, гр. Ф. М. Кантакузин, А. С. Келин, М. Б. фон Кирхен, Р. Козенц, фон Корренберг, герц. К.-Е. де Кроа, К. И. Крюйс, А. де Кулон, Ж.-Г. Ламбер де Герэн, гр. Ламберти, П. П. Ласси, Э. Лейн, Леметр де Со, П. Б. Лефорт, бар. И.-Л. Микуш, М.-Г. фон Миленфельзен, Б.-Х. фон Миних, гр. Ж.-Н. Моро де Бразе, О. Най, фон Неттельгорст, бар. Ф.-Г. Ностиц, бар. Г.-Б. Огильви, фон дер Остен, Х. Г. Отто, Г. Паддон, И.-Р. фон Паткуль, М. М. Полман, Г. Пфлуг, Я. ван Рез, А. Рейс, Ремхин, бар. К.-Э. Ренне, С. Ренцель, Х.-Г. Ригеман, И. И. Ридер, бар. Г.-Г. фон Розен, Х.-Ф. фон дер Ропп, Т. Сандерс, бар. Сент-Илер, П. И. Сиверс, С. Трезель, Т. И. Трейден, Х. Урбанович, Ю. И. Фаминцын, Я. Фангофт, Ф. И. Фастман, И. С. фон Филингеим, Т. Т. Фразер, гр. Г.-Ф. де Фриз (Фризен), И. И. Чамберс, А. В. Шарф, В. И. фон Швейден, В. Шелтинг, А. А фон Шенбек, Шенк, бар. В.-А. фон Шлиппенбах, гр. О.-Р. фон Шомбург (Шауенбург), бар. Штаф, Л. Л. Шток, фон Штольц, бар. Н. фон Энцберг, П. И. Ягужинский, Л.-Г. фон Янус д`Эберштедт.

² С. В. Айгустов, И. Анненков, гр. Ф. М. Апраксин, В. А. Апухтин, А. К. Болобанов, кн. И. Ф. Борятинский, И. И. Бутурлин, С. Л. Вельяминов, И. Л. и П. Л. Воейковы, М. Я. Волков, кн. А. И. и Г. С. Волконские, кн. Б. И. Гагарин, Ф. Н. Глебов, П. С. Глебовский, кн. М. М. старший и П. М. Голицыны, А. М., А. А., И. М. и гр. Ф. А. Головины, И. С. Горбов, А. М. и И. И. Дмитриевы-Мамоновы, кн. В. В. и Я. Ф. Долгоруковы, В. Н. Зотов, И. П. и П. В. Измайловы, кн. И. М. Кольцов-Мосальский, Б. С. Корсак, В. Д. Корчмин, Г. С. Кропотов, кн. Б. И. Куракин, В. Я. Левашев, М. И. Леонтьев, И. М. Лихарев, кн. И. Б. Львов, М. А. Матюшкин, кн. А. Д. Меншиков, Ф. В. Наумов, В. Я. Новосильцов, Г. В. Норов, Ф. О. Осипов (Есипов), И. В. Панин, Я. В. Полонский, В. И. Порошин, кн. А. И. Репнин, А. И. Румянцев, С. А. Салтыков, И. А. меньший и Н. А. Сенявины, Ф. М. Скляев, Г. Г. Скорняков-Писарев, С. И. Сукин, кн. И. Ю. и Ю. Ю. Трубецкие, А. И. Ушаков, И. А. и Ю. А. Фамендины, Ф. Г. Чекин, А. Г. Чернцов (Ченцов), Г. П. Чернышев, Л. С. Чириков, Я. С. Шамордин, кн. А. Ф. Шаховской, В. П., гр. Б. П. и гр. М. Б. Шереметевы, Ф. В. Шидловский (Шилов), И. М. старший Шувалов, кн. Г. Д. Юсупов, С. И. Языков, П. И. Яковлев.

³ Основным критерием для национальной дифференциации являлись место рождения и конфессиональная принадлежность. К иноземцам отнесены лица, родившиеся за пределами России. Потомки выходцев из других

Таблица 1

Общая численность высших армейских и флотских чинов в 1700–1725 гг.

	Всего		Сухопутная служба		Морская служба		Сухопутная и морская служба	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Русских	75	37	66	88	5	7	4	5
Иноземцев	128	63	102	80	26	20	–	–
Итого	203	100	168	83	31	15	4	2

Из анализа имеющихся у нас источников можно видеть, что эволюция национального состава сухопутного генералитета в первой четверти XVIII в. прошла три основных этапа (см. табл. 2). **Первый этап** (1700–1702 гг.) относится к началу Северной войны: от поражения под Нарвой до издания манифеста 1702 г. о призыве на русскую службу иноземцев. «Нарвская конфузия», приведшая к потере значительной части генералов и командующих полками, вынудила Петра I приступить к реформе армии и найму квалифицированных иностранных военных. На **втором этапе** (1702–1708 гг.) осуществлялось целенаправленное привлечение иностранного генералитета на российскую службу. К 1708 г. доля иностранцев среди генералов достигла максимума (76 % иноземцев против 24 % русских). Однако даже при острой потребности в опытных командирах, назначение иностранцев на руководящие посты осуществлялось с крайней осторожностью. Иностранцы (несмотря на их многочисленность и высокую квалификацию) играли в дополтавской армии второстепенные роли: полевых командиров и советников по сугубо военным вопросам. Стратегическое планирование военных операций и общее руководство российской армией было сосредоточено в руках государя и узкой группы генералитета из числа русских и иностранцев. **Третий этап** (1709–1725 гг.) начался после победы под Полтавой. Благодаря практическому опыту, накопленному в ходе Северной войны, росту в чинах русской части командного корпуса и целенаправленным шагам российского правительства (отставка ряда иностранных генералов, сокращение числа получателей повышенных «иноземческих» окладов, введение Штатов 1711 г. и др.), доля иноземцев в русской армии стала снижаться. С 1712 г. русские начали преобладать в составе высшего командования, а к концу правления Петра I их доля выросла до 64 %. Замена иностранного генералитета осуществлялась постепенно и была наиболее заметна среди младших чинов — бригадиров и генерал-майоров. С другой стороны, в руководстве относи-

государств, проживавшие на территории России уже в XVII в., считались русскими только в случае наличия сведений об их переходе в православие до начала царствования Петра I.

тельно молодого и нового для России вида вооруженных сил — морского флота — на всем протяжении правления Петра I доминировали иностранцы (см. табл. 2). В 1700 г. их удельный вес составлял 67 %, а к 1725 г. — 73 %. Несмотря на стремление императора подготовить национальные кадры для российского флота, и к концу правления Петра I каких-либо кардинальных изменений в составе морского командования так и не произошло. Самые высокие должности на флоте были изначально отданы русским (Ф. А. Головин, затем Ф. М. Апраксин). Однако это объяснялось не их реальным опытом и заслугами в морском деле, а традицией и нежеланием Петра I передавать верховное командование в руки иностранцев¹.

Таблица 2

**Соотношение русских и иноземцев в составе высшего командования
армии и флота в 1700–1725 гг., в %**

Год	Армия		Флот	
	Русские	Иноземцы	Русские	Иноземцы
1700	50	50	33	67
1701	38	62	33	67
1702	44	56	33	67
1703	33	67	25	75
1704	32	68	25	75
1705	30	70	25	75
1706	30	70	33	67
1707	30	70	33	67
1708	24	76	33	67
1709	32	68	25	75
1710	36	64	40	60
1711	44	56	40	60
1712	53	47	33	67
1713	54	46	29	71
1714	57	43	22	78
1715	58	42	30	70
1716	57	43	44	56
1717	59	41	38	62
1718	65	35	36	64
1719	68	32	36	64
1720	65	35	38	62
1721	63	37	32	68
1722	62	38	32	68
1723	65	35	26	74
1724	64	36	27	73
1725	64	36	27	73

¹ Подробнее см.: Черников С. В. Эволюция высшего командования...

Таким образом, при всей масштабности реформ кадровая политика государя, отношение Петра I к европейским новациям (военной мысли, в частности) во многом уходила корнями в предшествующий период. Заимствование западных технологий, учреждений, военных образцов, как и в XVII столетии, имело утилитарный, прикладной характер. Проявлялись традиционная настороженность, подсознательное недоверие государя и подавляющего большинства московской элиты к иноземцам. И хотя роль иностранцев в военном деле при Петре I существенно выросла, лишь незначительная часть выходцев из-за рубежа смогла закрепиться в составе российского правящего класса и оказывала влияние на внутривластную жизнь страны¹.

Дальнейшее развитие командного корпуса проходило по пути, намеченному царем-реформатором. Так, среди генералитета 1742 г. 95 % русских и 59 % иноземцев начинали свою службу в петровской армии. Зависимость России от европейских военных специалистов оставалась очень существенной. В 1742 г. доля генералов-иностранцев сохранилась на уровне конца петровского правления — 37 %. Их роль в составе действующей армии (полевая армия, гвардия, ландмилиция, артиллерия, инженерный корпус) была еще выше — 59 %. Напротив, высшие должности в центральных учреждениях военного профиля (Военной коллегии и конторе, Главном кригс-комиссариате, канцелярии Главной артиллерии и фортификации, Провиантской конторе), а также вакансии командующих гарнизонными войсками заполнялись в первую очередь русскими².

Теперь обратимся к русской части высшего командования петровского периода (61 фамилия, 75 человек) и проанализируем социальную структуру этого слоя. Мы выделили из числа русских военачальников четыре группы в зависимости от их происхождения³.

¹ Meehan-Waters В. *Autocracy and Aristocracy...* P. 161. Весьма показательно, что иностранцы не были приглашены на расширенное заседание Верховного тайного Совета 2 февраля 1730 г., на котором были оглашены кондиции, а подписи лиц с иностранными фамилиями под «шляхетскими проектами» единичны (см.: Курукин И. В., Плотников А. Б. 19 января — 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М., 2010. С. 123–136, 143–147, 159–163, 202, 212–217, 220–221, 223, 233–252 и др.; Корсаков Д. А. Воцарение Анны Иоанновны. Казань, 1880. С. 116).

² См.: Черников С. В. Генералы Елизаветы Петровны // Родина. 2009. № 2. С. 93–96.

³ Общие принципы классификации см.: Черников С. В. Российская элита эпохи реформ Петра Великого... Классификация по группам выполнена на основании следующих работ: Иванов П. И. Алфавитный указатель фамилий и лиц...; Зимин А. А. Состав Боярской Думы в XV–XVI веках // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1957 год. М., 1958. С. 41–87; он же. Форми-

Первая группа — боярская аристократия, фамилии, члены которых служили в чинах боярина и окольничего до 1613 г. и смогли сохранить высокое положение при Романовых¹ (19 человек из 11 фамилий). Это Бутурлины, Вельяминовы, кн. Голицыны, Головины, кн. Долгоруковы, кн. Кольцовы-Мосальские², кн. Куракины, кн. Репнины, Салтыковы, кн. Трубецкие, Шереметевы.

рование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988; Кобрин Б. В. Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 16–91; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; он же. Исследования по истории опричнины. М., 1963; Водарский Я. Е. Правящая группа светских феодалов в России в XVII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 70–107; Станиславский А. Л. Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 153–193; он же. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004; Crummey R. *Aristocrats and Servitors...*; Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992; Богатырев С. Н. Ближняя Дума в третьей четверти XVI в. // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 119–133; АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 94–112; АЕ за 1994 год. М., 1996. С. 64–81; Bogatyrev S. *The Sovereign and His Counsellors: Ritualised Consultation in Muscovite Political Culture, 1350s — 1570s.* Helsinki, 2000; Рое М. *The Russian Elite...*; Правящая элита Русского государства...; Седов П. В. *Закат Московского царства...*; Захаров А. В. *Государев двор Петра I...*

¹ Crummey R. *Peter and the Boyar Aristocracy...* P. 276; idem. *Aristocrats and Servitors...* P. 14. Правящая элита Русского государства... С. 6. Указанный критерий является основным, но не единственным. Как показал А. П. Павлов, определение круга аристократических фамилий связано с анализом происхождения рода, его древности, места в «Государеве родословце», связей с Думой, реального служебно-местнического положения членов рода. Но даже в этом случае границы между «первостепенной знатью» и теми родовитыми фамилиями, которые составляли ближайшее окружение «аристократического ядра» служилого класса, остаются весьма неопределенными. См.: Павлов А. П. *Государев двор и политическая борьба...* С. 14–18.

² Князья Мосальские происходили из черниговских Рюриковичей, но, несмотря на родовитость, пробилась в Думу сравнительно поздно — в начале XVII в. Литвиновы-Мосальские (старшая ветвь рода) служили в думных чинах как до, так и после 1613 г. (окольничие В. И., В. Ф., А. Ф. Литвиновы). Кольцовы-Мосальские также попали в Думу в период Смуты (кн. В. В. Кольцов, боярин в 1605–1610 гг.), однако при Романовых ни один представитель этой ветви рода не достиг думных чинов. Во всех четырех случаях кн. Мосальские были жалованы в окольничие и бояре, минуя младшие думные чины, что было свойственно аристократическим фамилиям. По данным боярских книг конца 1620-х гг. кн. Мосальские (Александровы, Литвиновы, Клубковы, Кольцовы) не затерялись в среде городского дворянства и в полном составе

Вторая группа — фамилии, представители которых достигли любого из четырех думных чинов с 1613 до 1689 г. (18 человек из 16 родов). Сюда отнесены Апраксины, кн. Борятинские, кн. Волконские, Глебовы, Зотовы, Измайловы, Леонтьевы, Лихаревы, кн. Львовы, Матюшкины, Панины, Сукины, Чириковы, кн. Шаховские, Языковы, Яковлевы¹.

Третья группа — дворянство, которое не входило в Боярскую Думу до начала правления Петра I (35 человек из 31 фамилии). Это Айгустовы, Анненковы, Апухтины, Болобановы, Воейковы, Волковы, кн. Гагарины, Глебовские, Горбовы, Дмитриевы-Мамоновы, Корсаки, Корчмины, Кропотовы, Левашевы, Наумовы, Новосильцевы, Норovy, Полонские, Порошины, Румянцевы, Сенявины, Скорняковы-Писаревы, Ушаковы, Фамендины, Чекины, Чернцовы, Чернышевы, Шамордины, Шидловские (Шиловы), Шуваловы, кн. Юсуповы.

Четвертая группа самая малочисленная. В нее включены недворяне (3 человека из 3 фамилий): кн. Меншиковы, Осиповы, Склеяевы.

Более одного представителя в составе высшего командования имели 11 родов: кн. Голицыны — 2 человека, Головины — 4, кн. Долгоруковы — 2, кн. Трубецкие — 2, Шереметевы — 3 (все из I группы), кн. Волконские — 2, Измайловы — 2 (все из II группы), Воейковы — 2, Дмитриевы-Мамоновы — 2, Сенявины — 2, Фамендины — 2 (все из III группы).

Обобщающие данные относительно представительства четырех социальных групп в высшем военном руководстве сведены в табл. 3.

служили по «московскому списку». См.: Иванов П. И. Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 186, 200, 230, 271; Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. I. Ч. 1. С. 197–201, 205–206; Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба... С. 16, 18, 179; Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора... С. 306; Poe M. The Russian Elite... Vol. 1. P. 85, 88, 123, 415.

¹ Измайловы и Сукины имели своих представителей в высших думных чинах как до, так и после 1613 г. В начале 1560-х гг. окольниким, а затем боярином стал Ф. И. Сукин, а в 1661 г. окольничество получил О. И. Сукин. Потомки рязанских бояр Измайловы достигли высших чинов только в эпоху Смуты (А. В. Измайлов, окольниким с 1606 г.). При Романовых чин окольника получили еще два представителя этого рода: С. А. Измайлов в 1654 г. и М. П. Измайлов в 1682 г. Однако Измайловы и Сукины не были занесены в «Государев родословец», и это не позволяет их отнести к аристократии. Яковлевы также не могут быть причислены к данному слою, поскольку при Романовых (в 1680 и 1685 г.) они добились только чинов думного дворянина (Зимин А. А. Состав... С. 70, 87; Poe M. The Russian Elite... Vol. 1. P. 171, 189, 267. Vol. 2. P. 246, 247; Crummeу R. Aristocrats and Servitors... P. 180, 202, 207; Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба... С. 17).

Таблица 3

**Русские фамилии в составе высшего командования армии и флота,
1700–1725 гг.**

Группа	Всего			В том числе по фамилиям, имевшим в составе высшего командования армии и флота более одного человека	
	Фамилий*	Человек*	В среднем человек из одной фамилии	Фамилий**	Человек**
I	11 (18%)	19 (25%)	1,73	5 (45%)	13 (68%)
II	16 (26%)	18 (24%)	1,13	2 (13%)	4 (22%)
III	31 (51%)	35 (47%)	1,13	4 (13%)	8 (23%)
IV	3 (5%)	3 (4%)	1,00	0 (0%)	0 (0%)
Всего	61 (100%)	75 (100%)	1,23	11 (18%)	25 (33%)
В том числе по I–II группам	27 (44%)	37 (49%)	1,37	7 (26%)	17 (46%)
В том числе по I–III группам	58 (95%)	72 (96%)	1,24	11 (19%)	25 (35%)

* В скобках указана доля от общего числа фамилий и лиц во всех четырех группах.

** В скобках указана доля от числа фамилий и лиц в данной группе.

Подавляющее большинство руководства армии и флота имело дворянское происхождение (96 %). Лишь трое (А. Д. Меншиков, Ф. О. Осипов и Ф. М. Склеяев) сумели пробиться на вершину военной иерархии из низов общества. Военная служба давала больше возможностей для повышения социального статуса по сравнению с гражданской. Но и здесь доступ к высшим должностям для недворян был закрыт. Вышеприведенные исключения лишь подтверждают это правило.

Самым многочисленным слоем были столичные чины, не входившие в Думу (47 %). В своем большинстве в начале XVII в. эти фамилии принадлежали к верхушке городского дворянства, либо были тесно связаны с национальными служилыми корпорациями. Так, 11 родов (35 %) начинают упоминаться в боярских книгах лишь со второй половины столетия — Болобановы, Горбовы, Корсаки, Корчмины, Полонские, Фамендины, Чекины, Чернцовы, Шамордины, Шидловские (Шиловы), Шуваловы. Фамилия Сенявиных встреча-

ется в столичных чинах с 1630-х гг. Городовые дворяне Глебовские вообще не внесены в боярские книги XVII в. Еще 9 фамилий (29 %) в конце 1620-х гг. имели в составе «выбора» более половины своих представителей — Айгустовы, Анненковы, Апухтины, Кропотовы, Норовы, Порошины, Румянцевы, Скорняковы-Писаревы, Чернышевы. Члены восьми родов (26 %) в 1620-х гг., хотя и служили по московскому списку, но имели родственников среди городского дворянства — Воейковы, Волковы, кн. Гагарины, Дмитриевы-Мамоновы, Левашевы, Наумовы, Новосильцевы, Ушаковы. Лишь только одна фамилия (кн. Юсуповы) в этот период в полном составе находилась на столичной службе. Массовое присутствие в составе генералитета выходцев из провинциального дворянства было напрямую связано с эволюцией государева двора в XVII столетии¹. Масштабное расширение численности «московских чинов» за счет городских дворян привело к увеличению кадрового резерва в период, предшествовавший петровским реформам.

По сравнению с руководством высших гражданских учреждений первой четверти XVIII в. верхушка армии и флота была менее родовита. Только 49 % военных высшего ранга происходили из фамилий, имевших своих представителей в Боярской думе (I–II группы). В то же самое время среди сенаторов было 74 % лиц из состава этих двух групп, среди тайных советников — 88 %, в руководстве коллегий и других центральных учреждений — 58 %, в высшей губернской администрации — 64 %, а в Консилие министров — 91 %². Более низкий уровень «аристократизации» военных структур по сравнению с гражданскими, уменьшение численности знати в армейском руководстве — все это было типично для периода «военной революции»³. Но мы можем заметить, что в России даже в военной сфере боярская знать (I группа) имела существенное преимущество при чиновничьем производстве. Как следует из табл. 3, доля аристократических фамилий, делегировавших в состав высшего командования более одного человека, значительно выше, чем у выходцев из других социальных слоев.

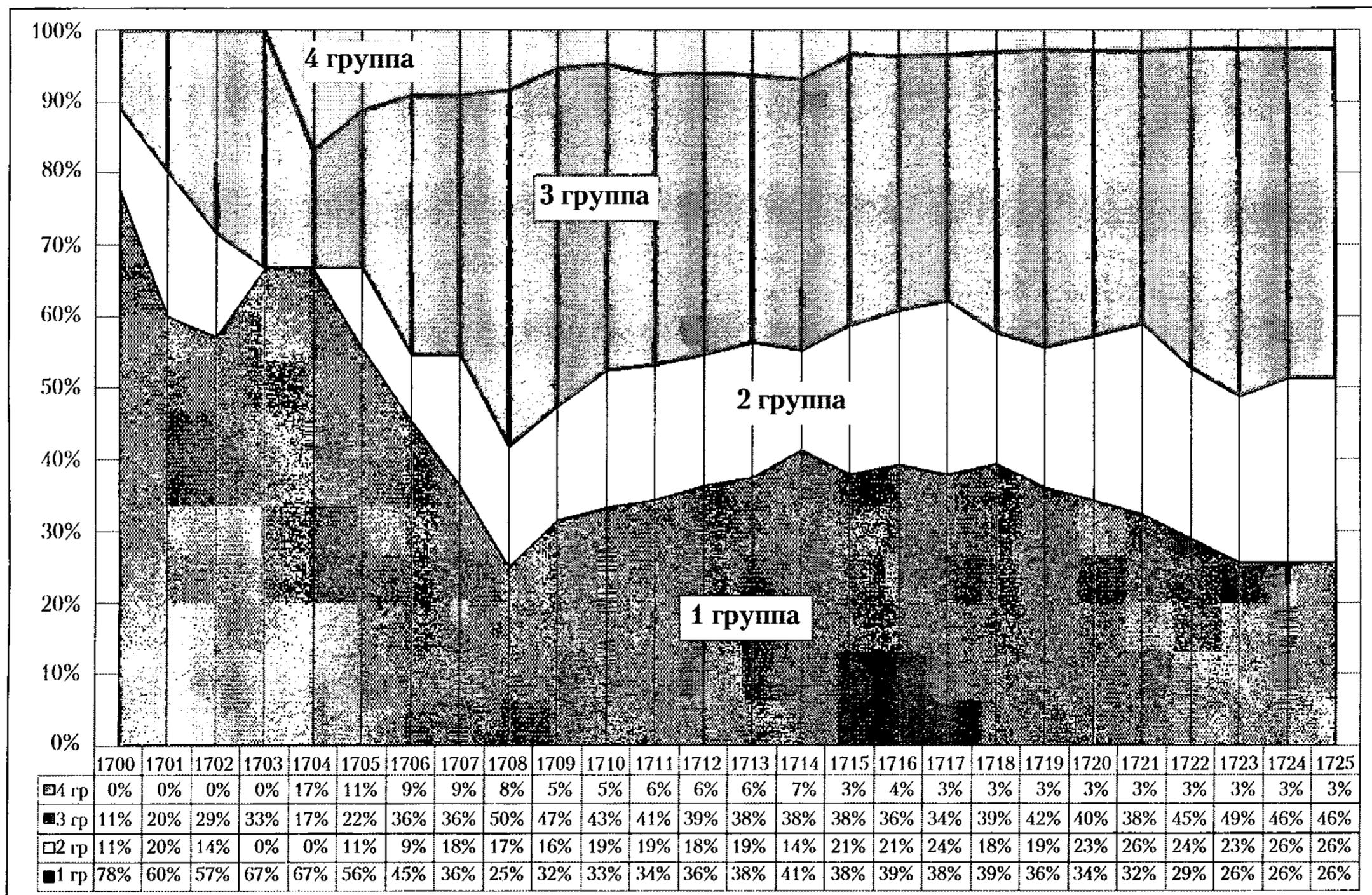
Динамику изменений в среде военного командования можно проследить по графикам и таблицам (см. рис. 1–2). На них представлены данные о процентном соотношении лиц из I–IV групп в руководстве армии и флота за каждый год в течение всей первой четверти XVIII столетия.

¹ Подробнее см.: Правящая элита Русского государства... С. 308–373, 406–459; Павлов А. П. Государев двор в истории России XVII века // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 2000. Bd. 56. S. 227–242.

² Черников С. В. Состав и особенности социального статуса светской правящей элиты...

³ Poe M. *The Consequences of the Military Revolution in Muscovy: A Comparative Perspective* // *Comparative Studies in Society and History*. 1996. Vol. 38. № 4 (Oct.). P. 605.

Русские фамилии в составе армейского генералитета, 1700–1725 гг.

Как видим, на протяжении петровского правления происходит резкое снижение доли боярской аристократии (I группа) в армейском генералитете. Удельный вес знати упал с 60–78 % в начале Северной войны до 26 % в 1723–1725 гг. Этот процесс был наиболее очевиден в самый тяжелый для России период: в 1700–1702 гг. доля аристократии уменьшилась на 21 %, а в 1702–1708 гг. — еще на 32 %. Пленение генералов из числа знати под Нарвой не являлось основной причиной указанных перемен, хотя этот факт, несомненно, сказался на показателях 1700–1701 гг. (убыль на 18 %). Дюполтавский период (1700–1708 гг.) также выделяется ростом численности иноземцев (их доля возросла с 50 до 76 %) и расширением представительства незнатного столичного дворянства (с 11 до 50 %). В связи с неудачным началом Северной войны масштабы организационных проблем, требовавших срочного решения, постоянно росли. В силу этого государю постоянно приходилось искать «новую конфигурацию власти» (речь идет как о людях, так и об учреждениях), которая сможет эффективно мобилизовать ресурсы страны. Изменения в руководстве армией, как и в составе правящей элиты в целом были отражением попыток Петра I найти оптимальный вариант управления государством и вооруженными силами в чрезвычайной ситуации.

Подчеркнем, что царю-реформатору удалось провести столь масштабные преобразования не потому, что он якобы действовал вопреки устремлениям «боярского слоя», а по той причине, что государь смог заручиться его поддержкой, найти компромисс. Так называемая «антибоярская политика» Петра I является историографическим мифом, поскольку знать благополучно продолжала служить на высших постах. За весь период с 1700 по 1725 г. из 12 русских генералов, носивших чины первых трех классов Табели о рангах, 10 человек были представителями родовой знати (I группа): И. И. Бутурлин, кн. М. М. Голицын, А. М. и гр. Ф. А. Головины, кн. В. В. и Я. Ф. Долгоруковы, кн. И. М. Кольцов-Мосальский, кн. А. И. Репнин, кн. И. Ю. Трубецкой, гр. Б. П. Шереметев. Еще двое были связаны с государем либо родством, либо близкими отношениями: троюродный брат государя М. А. Матюшкин (II группа) начинал свою службу в комнатных стольниках Петра I, а кн. А. Д. Меншиков (IV группа) являлся фаворитом царя. Таким образом, в течение первой четверти XVIII в. старшие ранги в сухопутной армии (от генерал-лейтенанта и выше) контролировались выходцами из боярской аристократии. Включение в эту группу лиц из более низких социальных слоев было крайне затруднено и обуславливалось в первую очередь личным доверием государя.

Происхождение тех, кто служил в рангах генерал-майора и бригадира, было более разнообразным. Но и здесь можно выявить зако-

номерность. Лица, носившие генерал-майорские ранги, встречаются на протяжении всех 26 лет (1700–1725 гг.), бригадирские — 23 года (кроме 1702–1704 гг.). Насколько же часто представители I–II и III групп преобладали (составляли более $\frac{1}{2}$) или доминировали (составляли более $\frac{2}{3}$) в указанных рангах? Результаты подсчетов внесены в табл. 4.

Таблица 4

Представители I–III групп в рангах генерал-майора и бригадира, 1700–1725 гг.

Класс в Табели о рангах	Лица из I и II групп		Лица из III группы	
	более $\frac{2}{3}$ состава, лет (%)	более $\frac{1}{2}$ состава, лет (%)	более $\frac{2}{3}$ состава, лет (%)	более $\frac{1}{2}$ состава, лет (%)
4	9 (35)	14 (54)	4 (15)	8 (31)
5	2 (9)	5 (22)	7 (30)	16 (70)

Из приведенных данных следует, что выходцы из «думных» фамилий XVI–XVII вв. (I–II группы) гораздо чаще составляли большинство в генерал-майорском ранге, нежели в бригадирском. Для лиц, происходивших из среды столичного («недумного») дворянства, характерна противоположная зависимость.

Таким образом, мы можем обоснованно утверждать, что назначение на высшие командные посты в сухопутной армии (среди русской части военных) осуществлялось не только на основе личных способностей служилого человека и меритократических принципов. Важнейшим критерием на протяжении всей первой четверти XVIII столетия остаются происхождение и родовитость. Представители тех фамилий, которым в допетровское время не удалось добиться думных чинов, как правило, не поднимались выше ранга бригадира или генерал-майора.

Несомненно, что проблемы, с которыми столкнулась Россия в дополтавский период войны, подталкивали Петра к решительным мерам: массовому обновлению генералитета за счет иностранных специалистов и талантливых представителей различных слоев столичного дворянства. Однако знать не утратила ведущих позиций в управлении армией и государством¹. Кадровая политика проводилась с учетом интересов традиционной элиты, а модернизация социальной сферы носила ограниченный, «защитный» характер (по выражению С. Блэка²).

¹ См. также: Черников С. В. Российская элита эпохи реформ Петра Великого...

² Black C. The Nature of Imperial Russian Society // Slavic Review. 1961. Vol. 20. № 4. P. 573.

Что касается представительства других социальных групп в составе генералитета, то за первую четверть XVIII в. оно расширилось, хотя и в различной степени (см. рис. 1). Незначительно выросла доля фамилий, пробившихся в Думу при первых Романовых (II группа). С 1704 г. в составе генералитета появляются недворяне (IV группа), но даже к концу петровского правления их число оставалось ничтожным. Основной социальной средой, из которой пополнялась чиновная верхушка сухопутной армии, являлось недумное столичное дворянство (III группа): доля этого слоя выросла с 11–20 % в 1700–1701 гг. до 46 % в 1724–1725 гг. Как было показано выше, этот рост был достигнут за счет увеличения числа лиц, служивших в младших генеральских чинах.

В «период дворцовых переворотов» социальная структура высшего армейского командования продолжала меняться в направлении, заданном во второй половине XVII — первой четверти XVIII в.: представительство аристократии постепенно сокращалось, а численность потомков незнатного столичного и городского дворянства увеличивалась (см. табл. 5¹).

Таблица 5

**Социальная структура высшего сухопутного командования
(русские фамилии) в 1724 и 1742 гг., %**

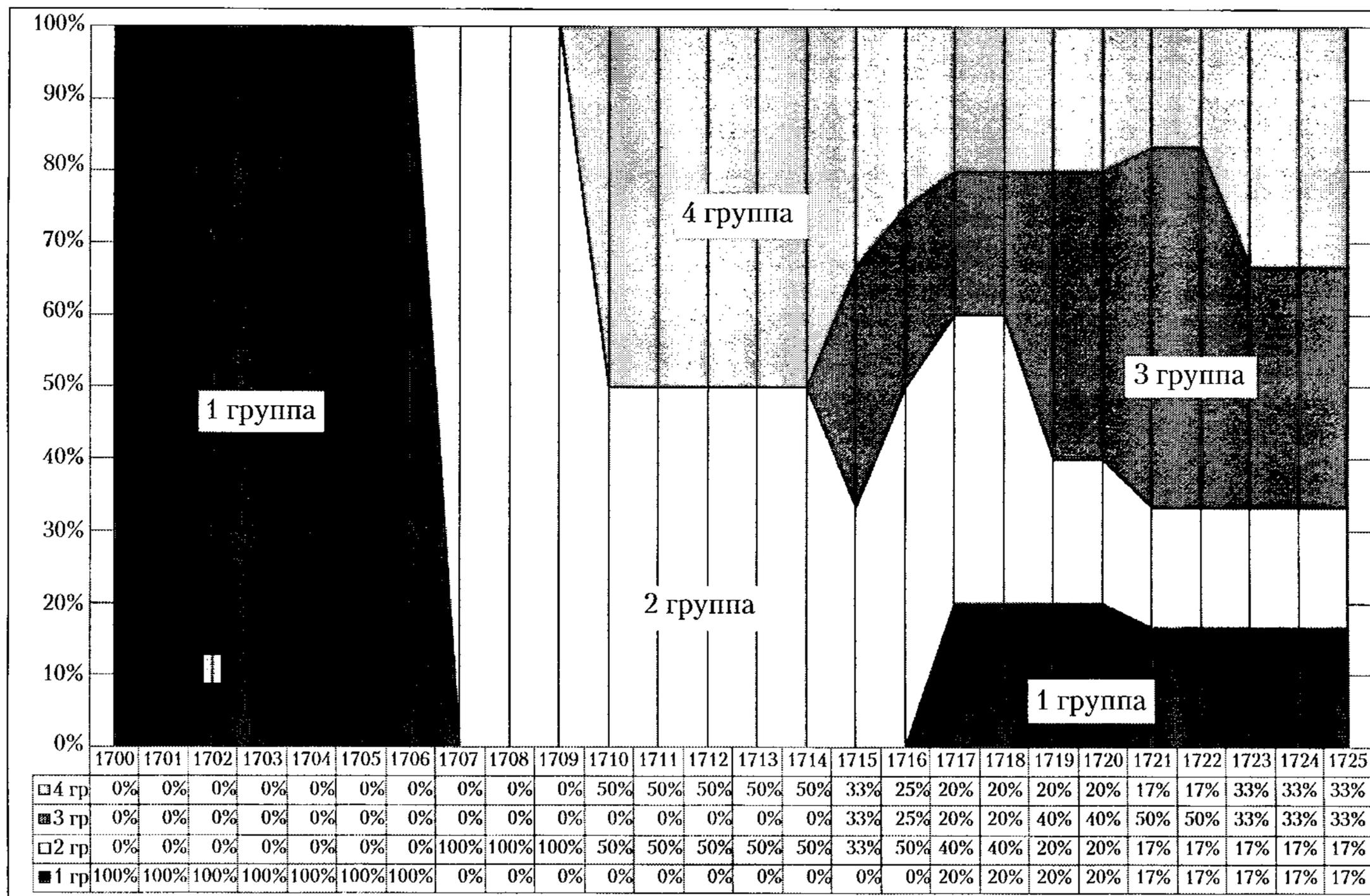
Группа	1724 г.	1742 г.
I	26	15
II	26	23
III	46	52
IV	3	10
В том числе, по I–II группам	51	38

В заключение проанализируем структурные изменения среди русского военно-морского командования петровского времени (см. рис. 2).

Военный флот России сформировался лишь в период Северной войны, и его руководство в своем большинстве состояло из опытных и обученных иностранцев. За первую четверть XVIII в. в чинах капитан-командора и старше служило лишь 9 человек русского про-

¹ Анализ социальной структуры российского генералитета начала 1740-х гг. проводился на основе учетной документации и послужных списков (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 387. Л. 1020–1030; Д. 424. Л. 531–541, 559–563, 588–591; Д. 428. Л. 572 об. — 581 об.; Ф. 286. Оп. 1. Д. 245. Л. 1–4; Д. 260. Л. 1–400; Д. 331. Л. 1–161 и др.). Данные по 1724 г. заимствованы из табл. 2.

Русские фамилии в составе высшего командования флота, 1700–1725 гг.

исхождения. Однако за время правления Петра I социальный состав флотской верхушки все же изменился. Так, если в 1700–1706 гг. среди русских флагманов были только представители знати (Ф. А. Головин), то с 1707 г. высшие флотские чины начинают получать выходцы из других социальных слоев. Сначала это был Ф. М. Апраксин (II группа), род которого возвысился до думных чинов только в конце XVII в. В 1710 г. чином капитан-командора был пожалован фаворит государя А. Д. Меншиков (IV группа), а в 1715 г. ранга морского обер-штер-кригс-комиссара удостоился Г. П. Чернышев (III группа). К концу петровского правления уже две трети вакансий (без учета иностранцев) были заняты недворянами (33 %) и рядовым шляхетством (33 %). Трудности в формировании нового для России вида вооруженных сил и недостаток квалифицированных командных кадров заставляли российское правительство более толерантно относиться к социальному составу высших морских чинов по сравнению с сухопутными. Следует также подчеркнуть, что какой-либо взаимосвязи между происхождением и карьерным ростом (как это прослеживается в сухопутной армии) на военно-морской службе не наблюдается.

* * *

Подведем основные итоги. Петровская военная реформа была подготовлена предшествующим развитием страны, а непосредственной причиной ее ускоренного проведения стала Северная война. Уже в ходе военных реформ XVII в. сформировалась новая лестница чинов иноземного образца — армейская, существовавшая параллельно со структурами государева двора¹. Впоследствии именно на ее основе была выстроена властная иерархия петровского времени, закреплённая Табелью о рангах, а термин «генералитет» стал обобщающим названием высших военных, гражданских и придворных чинов Российской империи. Из иноземной военной среды были заимствованы и сами принципы продвижения по службе — способности и личные заслуги.

Несомненно, что реформы первой четверти XVIII в. способствовали резкому ускорению социальной мобильности и масштабному обновлению военной элиты. Однако за меритократическими идеями и рациональными принципами кадровой политики Петра I скрывался более сложный механизм, включавший в себя традиционные ценности Московской Руси. Важнейшую роль в продвижении по служебной лестнице продолжало играть происхождение, а потомки думных чинов сохранили контроль над армией и государственным

¹ Мышлаевский А. З. Офицерский вопрос в XVII веке. СПб., 1899.

аппаратом. Петровские преобразования явились наглядным примером приспособления традиционного общества к новым условиям.

Особой стратой внутри петровской военной элиты были иноземцы. Именно эта среда являлась ярко выраженным носителем «рациональных принципов»: личной службы, индивидуализма и профессионализма. Но достигнув даже высших чинов, иноземцы с большим трудом утверждались в составе российской элиты. Как и ранее, этому препятствовали национальные, психологические и религиозные барьеры. Процесс европеизации постепенно менял устоявшийся порядок вещей, но происходило это достаточно медленно и непоследовательно.